

Леонид Лещинский

Миз высоты

Леонид Лещинский

МИГ ВЫСОТЫ

Стихи, проза

Минск
2001

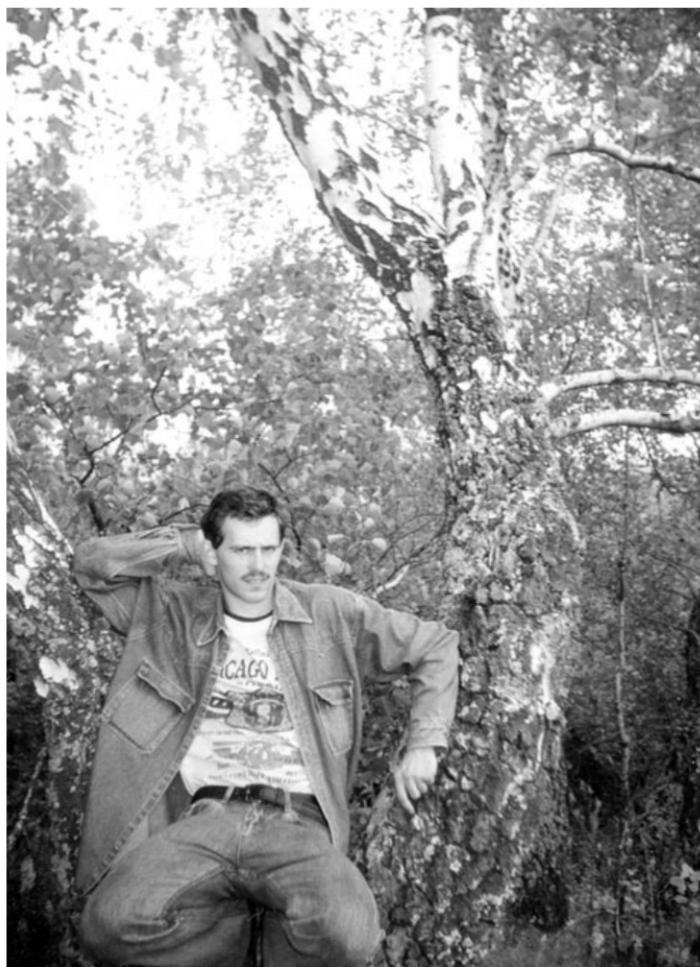
Лещинский Л.В.

Миг высоты. Стихи, проза. —88 с.

Леонид Вячеславович Лещинский родился в Минске 7 июля 1977 года. После девяти классов средней школы успешно закончил Высшее профессиональное училище № 53 по специальности столяр, плотник, станочник (1995), работал на заводе «Горизонт» столяром, затем перешел в телевизионное производство. В 1999 году заочно окончил Высший радиотехнический колледж, получив квалификацию радиотехника.

Сейчас — в журнале «Пищевая промышленность».

В сборник «Миг высоты» вошли стихи и проза молодого автора. Произведения эти — далеко не случайные в его творческой судьбе: обязательно последуют новые, ибо путь в большую литературу возможен лишь при наличии таланта и неимоверной работы души. Все это у начинающего литератора есть, кстати, как и неумное стремление учиться: познав секреты краснодеревщика, углубившись в электронику, Л. Лещинский серьезно увлекся журналистикой.

A. Newsun

...Писал я эту книгу, будучи уверенным в нашей с тобой, Мама, победе. Но тяжелая болезнь не отступила. Выйди книга чуть раньше, ты бы ей очень порадовалась.

Я дарю Тебе желанную книгу, памяти твоей посвящая. Прими ее...

СТИХИ

БЕЛОЕ

А кругом —
дурман блаженства,
ароматом все объято
белым,
точно день из детства.
Там — ромашка пахнет, мята.
Там — жужжанье пчел на поле,
белом-белом,
словно в снеге.
Там — теченье дум на воле
чутко дремлет,
словно в неге.
Я лежу на белом поле —
взор мой манит неба бездна,
и душа, как на просторе.
Только тут ей много места!
Я гляжу на те же тучи,
что плывут и исчезают.
Где-то там,
за горизонтом,
может, они просто тают?
Может быть,
я тоже таю,
утопая в белой пене,
исчезаю, растворяюсь
вместе с ними, вместе с ними?..

* * *

Идете вы куда-то в даль.
За вами — время, будто в сказке,
улыбкой разогнав печаль,
дало ключи вам в тяжелой связке...
Ключи — от вечности они.
Они — от счастья и забвенья.
Тоска придет — ее запри...
И вы — достойны восхищенья!

БРОДЯГА

Дорога заманчиво уходит в даль.
Солнце лучистое, словно янтарь.
Глядя на мир из-под шапки небес,
весело, празднично смотрится лес.
Хочется взять и взлететь в никуда —
может, туда, где стоят города,
летят самолеты, идут поезда?
Хочется взять и уйти в облака,
чтобы тебя не нашли никогда.
Долго парить, улетаая все дальше
с этого мира, убитого фальшью...
Шел, рассуждая, по пыльной дороге
бедный, голодный, уставшие ноги,
гордый бродяга, свободный романтик,
долгой дороги вечный фанатик.
Много прошел, позади — старый мост,
а впереди показался погост.
Значит — деревня совсем где-то близко:
может, борща ожидается миска,
корочка хлеба, стакан молока —
добрые люди найдутся всегда...
Мир этим людям и ихнему дому,
радости этой и счастьем такому.
Он отдохнул, подкрепился немного,
взял с собой воду — и снова в дорогу.
Исчезла деревня, и цвета лучистого —

поле, как море бездонное, чистое...
Клевер цветет, рядом — пшеница
живою волной к горизонту стремится.
сердце поет, будто музыку слышишь.
Душа воспылала — унять невозможно;
все так красиво и все так набожно!
Это — и синее небо, и даль,
дорога бескрайняя — взора печаль.
И те, кто встречают его у ворот,
и кто провожают его за порог...
Глядя на небо, что так сердцу мило,
молвил, молясь, будто небо ловило
каждое слово, что он возносил,
будто бы в жертву себя приносил:
— О, даль голубая, высшая сила,
ты вдохновеньем меня озарила!
Сделай Господь, чтоб никто и нигде
вовек не нуждался в чистой воде,
в чистых продуктах и воздухе чистом,
в рассвете задорно-багряно-лучистом.
Чтобы у всех было яркое детство —
всюду бы каждый знавал свое место.
В мире огромном, где гнусного много,
трудно найти в совершенство дорогу,
идя по которой навстречу невздам,
мы утверждали бы мир и свободу.
Ведет нас по жизни звезда путевая,
кому-то чужая, кому-то родная, —
в сумраке ночи нам путь освещая,
от вражьего ока нас защищая.
Скоро темнеет, а вот и звезда —
мерцает на небе, еле видна.

Время идет, и она вырастает —
яркая, лунная, так и сияет
на фоне заката малиновым цветом...
Такое увидишь только лишь летом.

Идет наш скиталец, любуясь красою,
по мокрой траве, покрытой росой,
по пыльной дороге, по шатким мостам,
по улочкам тесным, широким дворам...
Куда ни забрел бы — повсюду он свой,
хотя и бродяга с заплечной сумой.

* * *

Ночь накрывает вуалью своей
весь засыпающий город.
Прошное спряталось в тень фонарей,
в окна врывается холод.
В доме тепло и уютно, и так
хочется лечь и забыться.
Только покоя в душе не дает
странная жажда влюбиться.
Жажда того, что найти не могу,
глядя на тех и на этих.
Будто бы их уже нет так давно
и уж не будет на свете.
Знаете, раньше в былые года —
в те времена, где бывали мы в книгах,
были такие, которым всегда
честь и хвалу возносили.
Им поклонялись, о них вспоминали.
Их все любили, их рисовали.
Мудрые книги таким посвящали...
Тем, что страдали и не предавали.
Но где теперь?.. Где сейчас те Татьяны?
Где те Наташи и где те Оксаны?
Может быть, ждать — и придет та Марго?
Может быть, встречу ее я в метро?

Может быть, лунною, звездною ночью
будет она пролетать высоко...

ЦАРЬ ВЫСОТЫ

Синий месяц свой блик растворяет в ночи.
Только слышно, как тьму будоражат сычи.

И глядит в высоту одинокий орел —
его в небо направлен жестокий укор.

Он сидит и глядит — все стремится понять:
как же можно ему на земле прозябать?

И никак он не в силах все это принять,
ведь не может же он никогда не летать.

Он, седой покоритель высот и хребтов,
бесконечных долин и зеленых лугов.

Он же — царь высоты, и ему не страшна
та вся звездная бездна небесного дна.

Никогда ему больше уже не летать —
остается вот так угасать и страдать.

И текут его дни, растворяясь в дали —
безрассудность и удаль силу всю извели.

И шагнул со скалы гордый царь высоты —
и уплыл в бесконечную бездну ночи.

ИТОГ

Ведь знаешь ты, боец минувших дней,
что жизнь твоя убога и тосклива.
Сражался ты за что? За падших королей,
за нерадивых и совсем постылых.

Они вели тебя и всюду помыкали,
грозя тебе, твоею же свободой.
Они сулили, лестно обещали:
мол, жизнь пройдет и спрячет концы в воду.

Ты верил им, идя на поводу
корыстно-ненасытных рвений.
И, опьяненный верой, без сомнений
тонул все глубже, уходя ко дну.

И ты сейчас один. Вокруг пустынно —
остался без своих завоеваний:
они прошли и канули все в Лету
без сожалений и воспоминаний.

И время бег свой неустанно гонит.
Жестoko набирая обороты,
летит вперед. Никто его не сломит
и не упрячет за тюремные ворота.

* * *

Детство разное бывает.
Детство вкусное бывает.
В детстве весело бывает.
В детство я хочу попасть.
Там всегда играют дети.
Там звучат смешные речи.
Только это было раньше.
Только — это не догнать.

И оно ушло навеки.
И оно теперь не с нами.
Просто в памяти всплывают
его звуки, голоса.
Просто хочется немного
погрустить, уплыть, отчалив,
в ту страну, где светит солнце,
пахнет небом вся земля.

* * *

В небе-океане
плывут смешные тучки.
Над нами, над полями,
взмывая ввысь все круче.

Они такие милые,
они летят куда-то,
зовут, влекут и говорят,
любите нас, ребята.

Мы долго к вам летели
и много повидали.
И можем рассказать,
какие ждут вас дали.

Там, впереди за морем,
стоят большие горы,
взобравшись на которые,
вы обретете волю,

свободу, силу духа
и высоту полета,
бескрайние просторы,
величье небосвода.

ПАТЕТИЧЕСКОЕ

Струится лучезарный свет
из глубины веков и лет.
И светит он
в ночи хмельной,
зовет и манит за собой.
И не померкнет
в буйстве лет
источник взлетов и побед.
Как маг, искусник-чародей
в гармонию зовет людей.
Там — жизнь,
там — грации полет.
А страсти миг — сметает год.
Там — сил безудержных прибой.
За ночью — день,
за ним — другой.
Гармония, как свет, чиста,
в страданиях музы рождена.
Она свободна и вольна
творить великие дела
во имя счастья и добра...
Она — Бетховена душа.

* * *

Облетела листва,
опустели поля —
охладела природа к жизни...
Одинок в лесу,
и в душе — никого.
Только желтые кружатся
листья.
И гоняет их ветер,
навевая тоску
по бесследно прошедшему
лету,
по зеленым лугам,
разноцветным морям
бесконечных полей-самоцветов.
И так хочется в миг
обрести то тепло,
что забрало с собой
мое лето,
и оставить себе
хоть кусочек его —
дорогого июльского света.

* * *

Я хотел бы, хотел бы, хотел бы
до небес дотянуться рукою —
потому как огромное небо
не дает почему-то покоя.

Я хотел бы подняться к звездам —
поглядеть бы оттуда на землю,
на людей, на бескрайнее море,
на леса, на поля золотые.

Я хотел бы взобраться на тучку.
Утопая в воздушной перине,
проплывать над родными местами,
упиваясь зеленой равниной.

Я хотел бы объять все на свете
и оставить навечно в объятьях
небывалое вечное счастье,
одарившее щедростью небо.

МОИ ДВА Я

Тысячи... Миллионы
бродят таких же подобных
внешне и внутренне.
Противно! Страшно!...
Са-ран-ча!
Хочу в себя:
там — мир, там — я!
Но это — иллюзия,
там нет никого...
Ты — не такой, как все...
Глупо!
А если все это только шаблоны
и все-таки есть жизнь
в Моем Мире?
Но мир — это что-то большое.
А я — такой маленький...
Хочу в себя!
Я — больше, чем я!
Я — Мир...
Глупо все это!
А вдруг никаких миров нет,
а во мне только — жизнь?!
Но зачем мне две жизни?
Чтобы жить...

* * *

Идем по дороге,
идем и не знаем,
что здесь мы найдем
и что потеряем.
Она уходила змеей
в бесконечность:
пройти ее — то же,
что пережить вечность.
Коряги, ухабы, кюветы, обрывы —
дожди и морозы, снега и размывы.
Повсюду — преграды,
повсюду — тревоги.
Они изнуряли,
мозолили ноги.
Но шли мы вперед,
и казалось, что скоро
вопреки мы в горы
и леса просторы —
исчезнет дорога,
появится небо,
а там, может, будет
и лестница где-то.
Подняться хотелось бы нам
еще выше,
чтоб видеть оттуда
родимые крыши,
с которых ручьями стекала вода

тогда,
когда солнце топило снега,
тогда, когда летом
дожди проливные
держали нас дома,
и мы их хулили.
Ведь дети мы были
и ждать не любили —
взрослели, учились,
потом уходили
из дома надолго,
искали пути,
в надежде к рассвету
обратно прийти
туда, где в нас верили,
где нас любили...
Но мы, размечтавшись,
дорогу забыли.
И поняли вдруг,
что нельзя искупить
ошибок, которых могло
и не быть.
Друзей было много —
и с ними спокойно
прошли мы отрезок
огромный достойно.
Идем по дороге,
идем и не знаем,
что здесь мы найдем
и что потеряем.

* * *

Он глядел на закат,
любовался зарницей.
А потом сочинял
в полутьме небылицы.

И всплывали тогда
в белом сумраке ночи
очертанья лица
и бездонные очи.

Он влюблялся в них сам
и влюблял всех на свете,
увлекаемый в глубь
неоткрытых открытий.

И в багряном окне
открывалась дорога
в бесконечную даль,
где не видно порога.

А потом он ушел,
как уходят поэты,
подарив миру мир
иллюзорных сонетов.

* * *

В сумраке ночь исчезает,
оставляя за собой города.
О нас с тобой никто не знает
и не узнает никогда.
Пусть жизнь и время нас терзают.

В сумраке ночь исчезает,
оставляя за собой города...
Неумолимые года
союз наш только укрепляют —
все остальное ерунда.

ПОВЕСТЬ

МИГ ВЫСОТЫ

Десятый класс советской школы. Урок математики. За окном погожий сентябрьский день, но Володя, все еще находясь под влиянием прошедшего лета, никак не мог войти в размеренную школьную канитель, которую предстояло терпеть целый год. Последний в школе год. Куда потом? Он еще не определился. Ему пока не хотелось свободы и приключений. Осознавая необходимость образования, он тем не менее с трудом учился, и особенно тяжело ему давались точные науки.

И вот, сидя на уроке математики, Володя глядел в окно и думал... Нет, сосредоточился он не над теоремами и формулами. Думал о том, как замечательно прошли его летние каникулы вдали от городской суеты.

Жил он в деревне, у своей бабушки. И большую часть времени, собственно, проводил в сарае. В сером, грязном дощанике — наскоро сколоченном из горбылей неприхотливом сооружении, подобном на примитивный ангар, в котором и претворялись в действительность его давнишние мечты. Удача сулила огромное количество адреналина и незабываемые впечатления.

Под влиянием буквально всасывающей в себя неизвестности молодой конструктор колдовал

над необыкновенным чудом техники — небольшим одноместным самолетом, который к концу каникул был уже совсем готов. Но испробовать сей летающий агрегат Володя не успел — нужно было ехать в город, готовиться к школе. Тяжело расставаться со своим творением, идею которого вынашивал долгие годы. Сколько было неудачных попыток подняться в небо!.. Но Бог миловал — обходилось все, как говорится, малой кровью. Однако стремление к победе превыше всего.

В основу движущей части машины был приспособлен двигатель от старого мотоцикла. Крылья и фюзеляж сделаны из подручных материалов, в основном — это фанера, краска, клей, тонкая жесть, оргстекло. Шасси — от детского велосипеда, штурвал выпилил Володя из дерева — красивый получился, покрыл его лаком. Винт на городской свалке «откопал» — самый что ни на есть настоящий, из дюрэли.

Он долго копил деньги, чтобы приобрести все необходимое в дорогу. Ведь в помыслах Володя видел себя над бескрайними просторами, которые ему так хотелось покорить на своем детище.

Родители Володи — образованные, интеллигентные люди. Они имели огромную библиотеку. Сын прочитал большое количество книг. В основном это книги о путешествиях, что вероятней всего и сформировало в его душе романтика.

Володя не любил шумных компаний, и большую часть времени проводил дома, запершись

у себя в комнате наедине с книгой. Погружался с «головой» в тот мир, о котором рассказывал автор очередную занимательную историю.

Белый микроавтобус несется на большой скорости. В салоне стоит густой табачный дым; буквально разрывая динамики, вылетают дикие вопли какой-то сумасшедшей рок-группы. На выезде из города, как раз у небольшого кафе, водитель припарковал автобус рядом с двумя огромными соснами. Вышел, размялся и закурил.

Сойдя с дороги, он присел на траве в тени, обхватил голову руками. Судя по его виду, день сегодня начался не лучшим образом. Похоже, последствия вчерашней бурно проведенной вечеринки дают о себе знать. Пытаясь, по-видимому, вспомнить ее детали, он напряженно задумался. «Ни черта не помню...» — со злостью заключил он. Вставая, выругался и, сплюнув на землю, отправился в кафе. Его угрюмое обозленное лицо выдавало в нем молодого человека, который любил весело погулять, провести хорошо время, привык к шумным вечеринкам, девушкам и выпивкам — одним словом, любил как следует поразвлечься.

У него был богатый жизненный опыт, доставшийся ему в наследство от «непросыхавших» алкоголиков-родителей. Избываемый ими, он убегал на улицу, которая и стала вторым домом. Частые приводы в милицию повлияли —

он кое-как окончил школу к огромнейшей радости учителей...

Заказав две бутылки пива, он сразу же открыл одну и захлеб опрокинул в себя. Сев в машину, рванул с места и помчался дальше, опорожнив вскорости и вторую бутылку. Видно, последняя на него и подействовала плюс — бессонная бурная ночь, плюс — сигареты. Дикая вопли приёмника, рвавшие акустическую систему, не в состоянии были привести его в чувство, он стал потихоньку подремывать, гоня машину на бешеной скорости...

Существует, говорят, две категории людей: те, которые живут, чтобы есть, и те, которые едят, чтобы жить.

На мой взгляд, под словом «жить» покоится огромный смысл. Человек, у которого есть истинная, высокая цель в жизни — он живёт для того, чтобы сделать этот мир лучше, чище, светлее. Да, может в наше время это звучит нелепо, но только тонкие, ранимые натуры, с огромной душой и чутким сердцем, только они способны своей деятельностью изменять мир. Возможно, они в свое время и не будут восприняты, но потомки по достоинству оценят их труд, будут восхищаться ими, боготворить, подражать им. Они оставили свой след в истории, то есть прожили жизнь достойно, творчески.

Вторая же категория — это те, кто живет, чтобы есть. Эти особи ничем не выделяются из общей серой массы. Они ходят изо дня в день на работу, добросовестно выполняя поручения

своего начальства. Работу, возможно, любимую. Они считают, что живут правильно. К этой, с виду безобидной и в некотором роде добропорядочной, группе можно отнести и хулиганов, пьяниц, наркоманов. Даже если их ряды насчитывают большинство и среди них нашлись такие, которые согласно общепринятым нормам посадили дерево, вырастили сына, построили дом, то по истечении человеческой жизни (вопреки всем желаниям жизнь дается всего только один раз), уйдут они в небытие, оставив потомкам незначительные воспоминания о своем прошлом.

И чем такой вот человек-утробник отличается от животного — от того же, скажем, медведя? У первого есть жилище, он работает, чтобы жить. У второго — берлога. Добывая пищу, бродя по лесу, медведь неосознанно является распространителем семян растений, деревьев. Медведь, как и человек, занимает в природе свою нишу. И плодится ради того, чтобы эта ниша никогда не пустовала. Человеку же — мало вырастить свое дитя только ради продления рода. Произвести на свет и вырастить он должен достойного члена общества, за которого бы ему не было стыдно.

Володя с отцом гостили у своих знакомых за городом. Вернее, это — отцовский друг детства, с которым учился в школе, потом — в институте, а теперь — работают вместе. Вот он-то и пригласил их в гости к себе на дачу.

Ближе к вечеру решили собираться домой. Ехали не торопясь — отец не любил быстрой езды. Он вообще был человеком медлительным, все делал основательно и аккуратно. В некотором роде эти качества присутствовали и у его сына.

...Володя открыл глаза — перед его взглядом предстала какая-то вытянутая комната с белым потолком и белыми стенами. В ушах что-то вдруг зазвенело — и он отключился. Прошло более двух часов — не меньше, и, снова очнувшись, осознанно уперся взглядом во все тот же зловеще белый потолок. В нос ударил ярко выраженный больничным запах...

Сомнений не было — он в больнице. Слева мерно попискивал какой-то аппарат, в руке торчала игла с капельницы. Послышались чьи-то стоны. Хотел повернуться, да не тут-то было — все тело словно опустили в бетонный раствор, который успел отвердеть, сжав его, как в тиски, потому даже при мысли о движении он весь содрогался от несносной, пронизывающе-жгучей боли.

«Что же со мной стряслось?.. Как я здесь очутился?..» — терялся в догадках Володя. Скрип двери и шаги за спиной насторожили. Когда над ним склонилось приятное женское лицо, Володя, изучая, окинул его пристальным взглядом. Это была медсестра. Улыбаясь, женщина сказала:

— Добрый день, молодой человек... Ну вот вы наконец и проснулись.

— Что со мной произошло?

— Ничего страшного — получили пару ушибов и только, — приятным голосом сообщила она. — Вы попали в автомобильную аварию.

Но что-то не понравилось ему в ее голосе, слышались какие-то фальшивые нотки — будто бы эту фразу она репетировала перед тем, как подойти. Тревога затрепетала в его сердце. И вдруг пронеслась в голове, словно пуля, мысль: «Отец... Жив ли он?..» Володя, затаив дыхание, спросил:

— А где мой отец?

— Он лежит с переломом ноги в соседнем отделении, — тем же приятным голосом ответила его утешительница. — С ним все хорошо — не волнуйся.

Тут на мгновение предстал тот момент, когда прямо на их машину на страшной скорости несся встречный микроавтобус белого цвета... Удар — и цепочка воспоминаний обрывается.

— Сейчас я тебе сделаю укольчик, — убрав капельницу, сказала обладательница приятного голоса, — и ты поспишь немножко... А потом мы с тобой еще поговорим.

Легкая истома прокатилась по его телу волной сладостных ощущений невесомости, как будто то, на чем лежал он, вдруг растворилось, исчезло — и ты летишь, летишь в безывестность, но тебе так хорошо, что ты не хочешь знать, видеть, слышать ничего такого, что могло бы потревожить это зыбкое равновесие гармонии. Тут его затуманенному взору предстал его са-

молет, в котором он облетает свой город, и мать, бегущая ему навстречу по васильковому полю. «Как хорошо жить!» — пронеслась мысль не где-то там, а далеко-далеко. В один миг это все испарилось — и он ощутил себя стремительно опускающимся с неба, где недавно все было так замечательно и прекрасно. Внизу его ожидала бесконечная вода какого-то океана. Мгновенно пронизав водную гладь, он ощутил прокатившуюся по телу прохладу; все глубже и глубже погружаясь, отчетливо видел чью-то тень, извивавшуюся в зубах акулы, и ему почему-то захотелось кричать... И он кричал, кричал, опускаясь все глубже и глубже, и чем глубже погружался, тем та самая тень в зубах акулы становилась все отчетливее. Поравнявшись вплотную с объектом внимания, он вдруг ужаснулся: тело, которое так безжалостно рвала акула, было его тело, от которого веяло каким-то могильным холодом. Продолжая погружаться, все ниже и ниже, стремясь в бездну, он ощутил, как эта ужасная картина стала постепенно растворяться в слабом свете, проникающем с поверхности, и буквально через несколько мгновений исчезла.

Володя проснулся. Было яркое солнечное утро, и в окно, напротив которого находилась его кровать, он смог лишь видеть голую верхушку тополя, по которой и определил, что на улице холодно. Возможно, за окном осень или зима — ему сложно было предположить точнее, поскольку, судя по всему, палата находилась где-то на одном из верхних этажей. Прилегающих строений

вблизи не имелось, потому ничто не мешало видеть бесконечную высь, усыпанную редкими плывущими облачками. Окно было двойное — не пропускало привычного городского шума.

«Да, печальное зрелище...» — подумалось ему. Из-за ограниченности движения его тела он решил, что с этим незамысловатым видом за окном ему придется не один раз встречать и провожать проходящий день. Он смирился. Похоже, что у него что-то весьма серьезное: судя по ощущениям, организм поврежден основательно. Почему ко мне никто не приходит?..» — Только подумал так — и тут же увидел подошедшую к его кровати медсестру. Та самая — в белом халате, на котором, слева, в углу карманчика, вышит синими нитками василек. Озобоченно спросил:

— Почему ко мне никто не приходит?

— Понимаешь, молодой человек, в этой палате лежат тяжелобольные, перенесшие операции, как и ты, потому сюда входить родственникам категорически запрещено. Ничего, подожди, скоро тебя переведут в другое отделение.

Слово «операция» его насторожило больше, чем устрашающее «категорически вход запрещен». И тут он действительно не столько осознал, как ощутил, что вся его голова замотана бинтом. «Угораздило же меня...» — при этом он хотел было потрогать голову, но сделать этого не смог — ни одна рука, ни другая не слушались.

— Сейчас мы тебя покормим, — медсестра так же приветливо улыбнулась, как и в прошлый раз.

— А я ходить буду? — спросил он.

— Будешь и ходить, и бегать... Но надо хорошо кушать.

— Мои ноги сильно повреждены?

— Вот скоро зайдет сюда лечащий врач, с ним ты и поговоришь... А сейчас давай-ка покушаем.

— Как вас зовут? — спросил Володя.

— Надей можешь величать, — мило улыбнулась медсестра.

«Судя по всему, прием пищи, — заключил он, — довольно-таки трудное занятие, несмотря на то, что тебя кормят, как маленького, с ложечки». Слабость стала набегать на него волнами, и, покушав, поддался ее настойчивой силе и уснул.

Но спал он, по-видимому, недолго — за окном все еще было светло.

— Наконец-то проснулся наш больной! — Володя услышал за спиной знакомый голос медсестры. — Погоди, снова не засыпай — я за доктором сбегаю, а то он приходил, а ты все спишь. Потому и не стали тебя будить... Сейчас, сейчас.

Она вышла. Вскоро вместе с ней в палату вошел высокий плотный человек, которого Володя тут же узнал, — это был друг его отца, как раз от него и возвращались они в тот злополучный вечер.

— Ну привет, боец!.. — сказал Михаил Федорович.

— Почему — боец? — Володя попытался изобразить что-то напоминающее улыбку.

— Хотя бы потому, что не каждый смог бы справиться с тем, с чем тебе предстояло бороться... Мы, когда ты очнулся, сразу же тебя прооперировали. Держался ты молодцом... Я горжусь тобой, — врач похлопал своего пациента по плечу.

Лежать в палате и глядеть только на небо да на столик, который стоит тут уже целую вечность, да на стену, с висящей на ней разлиненной бумагой (по видимому, это какой-то график), — не совсем приятное времяпрепровождение. Другого бы все это свело с ума, но только не Володю. Он с детства привык к одиночеству, к тишине. Так вот: в небе он видел бескрайние просторы воздушного океана, заселенные — в этом он был уверен — загадочными существами. Большие, воздушные, постоянно изменяющие свою внешность, дабы там, куда они направляются, встречающие их не узнали. Всякие там барашки, замки, караваны — да-да, облака! — плывут себе, гонимые ветром. В какие только причудливые формы они не превращаются! Глядя на эту бесконечную череду перевоплощающихся созданий, ему хотелось подняться к ним и взглянуть на землю. Володя любил облака. Засушливым летом они радовали тех, кому необходима была влага, и восхищали тех, кому необходимо было вдохновение.

«Врачи говорят, что ходить я уже не буду... Неужели так жесток этот мир, в котором самая светлая, самая реальная мечта, о которой ты думал всю свою жизнь, готовя ее воплощение и приближая ее всеми силами, когда осталась самая малость взять и взлететь, становится неосуществимой?..» Он подумал так, встал со своей треклятой каталки, к которой был прикован, и... полетел. Над полями, над лесами, над лугами, озерами, прудами, где все было в зелени, кругом разлетались птички трели. Яркое июльское солнце заливало все на сотни километров. Гармония всего этого вызывала у него чувство эйфории. Ему хотелось лететь все дальше и дальше, к тому забавному облаку, принявшему форму графского замка, но вдруг сверкнула молния, немыслимая вспышка резко озарила все вокруг, жгуче ударила в глаза и болью прокатилась по всему телу. И тут его тело, до этого так легко парившее между облаков, стало тяжелеть со страшной силой и — о, ужас! — он начал опускаться вниз. Летел со стремительной скоростью. Вскоре его взору предстали очертания больницы, зловеще манящей в свои объятия, ему хотелось свернуть, но немыслимая сила притяжения неумолимо продолжала засасывать его в этот, наводящий ужас, квадрат. Он кричал, размахивая руками, все более и более охватываемый паническим страхом скорого исхода. Ему казалось, что вот-вот коснется земли и разобьется... Спасло пробуждение. Холодный пот покрыл все тело, непонятная дрожь содрогала его,

и он попытался осмыслить только что увиденное им. Сон... Как понимать его? Ведь так блаженно было ему вначале: природа, солнце, графский замок, который, к сожалению, оказался недосягаем.

Он еще долго находился в состоянии раздумья. Потом внутренний голос ехидненько шепнул: «Не увидишь ты замка своей мечты...» Он крикнул в ответ: «К черту сны!.. Я заполучу свой замок — найду, захвачу, построю! И это будет мой замок!..» — «Да-а-а, как же!.. Если он и будет твой замок, так это будет иллюзия, которая растворится в твоём же сознании...» — не унимался внутренний голос. «Не бывать этому! Я встану и добьюсь своего, несмотря на те усилия, которые потребуются для осуществления задуманного». Он взял карандаш и принялся что-то чертить на бумаге.

Благо руки были целы и он неплохо рисовал. Да, решил воссоздать на бумаге как раз тот самый иллюзорный замок, который только что запечатлела его память. Это было не так и просто возвращаться в ту, недавно представшую его взору иллюзию; воображенное таяло, как туман, некоторые фрагменты были начисто затерты в сознании и приходилось выдумывать самому, фантазировать. Напрягая сознание, вспоминая очертания одних, он боялся тем самым потерять очертания других фигур загадочного замка.

...В больнице время шло медленно. Домой тянуло с невероятной силой. После перевода в

другую палату стали навещать мать, родственники. Со школы никто не приходил. Однако, несмотря на отмену запрета на посещения, ему видеть всех своих расхотелось. Он стал обозленным, выражал постоянное недовольство навещающими. Все больше замыкался и чаще стал обращаться к бумаге. Ему мало сюжета, запечатленного им после кошмарного сна. Желалось большего. Он хотел написать, глядя на картину, о тех людях, которые когда-то жили в этом замке... Нет, он заселит его ангельскими созданиями. Но всегда эти его замыслы почему-то терпели многократные поражения. Огромное количество бумаги пришлось пустить в корзину для мусора лишь потому, что все действия, все герои приобретали обычные человеческие личины, и все становилось приземленным, обыденным. Действия, которые должны были разворачиваться в заколдованном замке, сводились к банальным сюжетам. Возможно, виной тому была большая заселенность поалаты больными — постоянно слышны голоса, стоны, вопли, что как раз и не давало сосредоточиться и войти в образ. В ожидании, когда его посетит вдохновение, он много читал, перебрав огромное количество книг. С появлением в палате телевизора, который смотрели с утра до позднего вечера, Володя раздражался еще больше, чем от стонов больных. Ему хотелось домой — и как можно скорее.

Лечащий врач постоянно ободрял Володю, говорил, что дела идут на поправку. Он всегда

сообщал какие-то новости, шутил, рассказывал анекдоты, передавал приветы от отца. На днях даже сумел устроить с ним встречу, где они весело провели время. У отца дела тоже шли на поправку — перелом срастался, и его, пожалуй, могут выписать раньше Володи. Они вспомнили детали аварии, приведшей их в стены этой больницы. Машина отцовская, вся искореженная, стоит где-то у одного знакомого на стоянке, и, по-видимому, восстановлению не подлежит.

— А что же произошло с виновником аварии? — поинтересовался Володя.

— Он погиб... — сказал отец. — Его машину после столкновения развернуло и снесло на край проезжей части, где она, перевернувшись, ударилась в дерево... Как было позже установлено, водитель микроавтобуса находился в сильном алкогольном опьянении, что и стало виной трагедии... Он был молод. Знавшие характеризовали парня не лучшим образом. В милиции сообщили, что это не первая его авария...

По дальнейшему, более полному описанию Володя понял, что знал раньше этого парня. Они учились в одной и той же школе. Он с трудом закончил девять классов... Был страшно задирист и драчлив. Часто приставал к Володе, особенно когда возвращались из школы домой.

После встречи с отцом Володя стал записывать свои размышления. А записывать было что. Жизнь человеческая — очень странная штука:

вот так живешь, живешь, работаешь, учишься — время проходит. И кажется, что этот бесконечный процесс повторяется из года в год, из тысячелетия в тысячелетие — течет река времени. Бурлящая река оставляет потомкам следы своей бурной деятельности. Все мы, вместе взятые, и есть ничто иное, как основа этой Реки Жизни, которая движется с неумолимой быстротой, пробивая себе русло в веках времени. Те из нас, кто не сумел удержаться в этом потоке быстротечном, безжалостно будут выброшены за берег, а те, кто не споткнулся, кто сумел удержаться в этой массе, выделится, остаются там на века, напоминая последователям о своих деяниях... Но есть и те, кто, исчезая во времени, заменяют свои ряды новыми силами. Силами, которым так же, как и их предшественникам, предстоит пробежать отведенный уже их поколению отрезок жизни. И так будет вечно, пока жив будет род человеческий.

Володя продолжал записывать: «Парень, который причинил мне столько боли, кто он был в этом потоке? И почему я лежу на больничной кровати? В чем моя миссия, и случайно ли все это?.. Вот он, негодяй-пьяница, отрицательный социальный элемент. Я не думаю, что его жизнь была тяжелой, с его богатым опытом выживать в условиях улицы. Паразитируя на теле общества, он всасывал из него то, что доставляло ему удовольствия. Возможно, в определении его судьбы решающую роль сыграло правило равнодействия природы: хорошего не может быть

много. То есть в природе все предопределено заранее. Древние говорили: думай о смерти... Но тут, как я понимаю, подразумевалось как раз обратное: думай о будущем, смотри вперед, чтобы потом не уйти в небытие. И предки наши были правы. Ведь тот, кто живет одним днем, исключительно для себя, не может оставаться в этом потоке жизни. Природе он не нужен и никому не нужен. После себя абсолютно ничего не оставит, лопнет как мыльный пузырь. В случае с этим парнем — я уверен — произошло именно так. Хотя он и был очень молод. Вот наше столкновение... Оно, я думаю, также неслучайно. Причина, по которой я, находясь на волосок от смерти, сопротивляясь ей, как мог, и в итоге одержал победу, — понятна: жажда жить. Но, прикованным к коляске, много ли можно сделать? Зачем судьба со мной так обошлась? Возможно, это — как урок на будущее, целью которого было показать, кто сильнее, а может — даже и так: кто нужнее...»

Шли дни, недели, месяцы, и постепенно проходил один год за другим. Прошло несколько лет. Нога у Володи зажила. Но ходить он так и не смог, единственным послушным ему средством передвижения стала инвалидная коляска, технику вождения которой он довел до филигранного уровня. Он запросто взбирался на крутую лестницу, по проложенным по ней двум доскам напоминавшим железнодорожные рельсы. Поскольку он и его семья жила в частном доме,

то и больших проблем с транспортировкой себя в свою комнату не испытывал. Хотя, вопреки всем уговорам перевести его комнату на нижний этаж, он ни в какую не соглашался.

В комнате у него, возле кровати, висела картина, бережно обрамленная рамкой. Каждый раз перед сном он направлял свой взгляд в ее сторону, долго глядел, размышляя. Думал о жестокости и несправедливости этого мира, о его ценностях, о своем будущем, о тех, кто, как и он, не могут самостоятельно передвигаться, о своем самолете, о котором не забывал даже на минуту. Он строил планы, принимая в счет даже самые бредовые идеи, что-то вроде угона нового отцовского автомобиля, за руль которого отец так еще и не садился. Потому-то авто стояло в гараже и надеялось на лучшие времена.

Володя с нетерпением ждал следующего лета. За окном стояла сирая промозглая пора, то есть осень. Теперь же он времени не терял даром. Обследовав еще в больнице инвалидную коляску с электроприводом, он возжелал такую же. Но поскольку ее покупка родителям была не по карману, то, сидя у себя в комнате долгими осенними вечерами, занимался разработкой своей собственной коляски. Хоть он и не дружил с точными науками, однако физика была у него самым уважаемым из предметов.

Большинство законов он знал, только математически выводить их не умел. На практике же, при большой наблюдательности, приходилось повседневно сталкиваться со всеми зако-

нами физики. И на основе некоторых знаний и личного опыта, в надежде на специальную литературу, он решился на создание суперсовременной (в его понимании) коляски, посчитав, что этот его проект не так уж и дорого ему и его родителям обойдется. Во первых, в основе лежит не обычная инвалидная коляска, а изготовленная по его проекту на каком-то там заводе. Задние ведущие колеса устанавливались небольшие — от детского велосипеда, но широкие и камерные, поскольку им предстояло выдерживать ощутимую нагрузку, в виде двух тяговых аккумуляторных батарей, больших и увесистых. Плюс свой вес и вес коляски. Исходя из этого, было принято решение установить по два таких колеса на ось с каждой стороны. Привод на обе оси осуществлялся отдельно; стояла зубчатая передача, соединяющая оборотистый двигатель с ведущими колесами. В качестве направляющих колес также были использованы колеса от детского велосипеда, но уже поменьше, и бескамерные, то есть литые. Управление углом поворота осуществлялось установленным на зубчатой передаче шаговым двигателем. Электронная схема привода основного двигателя представляла собой шаговый реостат, соединенный с аккумуляторной батареей и двигателем. Электромагнитный тормоз. В качестве управляющего элемента был на один подлокотник установлен джойстик от детского компьютера. Такой манипулятор позволял в зависимости от положения наклона рычага изме-

нять угол поворота направляющих колес. Внутренности своей будущей помощницы он скрыл декоративными щитками, предварительно сделав вентиляционные отверстия. Управление газом и тормозом осуществлялось так же, как и в настоящем авто — двумя ножными педалями. Параллельно существовал еще один пульт управления, собранный из дистанционного управления какой-то игрушки, позволяющий без проблем, лежа на диване, отправлять коляску в чулан (гараж) и так же вызывать ее обратно. Были устроены и фары с габаритными огнями, указатели поворотов со стоп-сигналом. Одним словом — машина. Во время первых испытаний его авто-коляска проявила себя, как разгоряченный скакун, чуть не сбросив наездника, коим оказался отец Володи. Что ж, кое-что пришлось усовершенствовать в системе управления, но в целом Володя был доволен своим изобретением.

«Ах лето, лето, самый яркий период года, — записывал Володя в дневник. — Как ты прекрасно! Как хочется порой тебя обнять, заключить в свои объятия и никуда не отпускать. Как бы так сделать, чтобы ты, Лето, всегда принадлежало мне. О, как приятно об этом размышлять, сидя под сенью развесистого клена. Приятно глядеть на все то, что тебя окружает. В небе — ярко-блестящее, живое, в ореоле золотых лучей солнце. Под влиянием этой природной гармонии так хочется воскликнуть: «О, жизнь! Как ты прекрасна!» Глядя на все цве-

тущее, поющее — не дает покоя одна только мысль: чтобы увидеть все это, наслаждаться и восторгаться — стоит жить».

Володе сейчас, как никогда раньше, хотелось взлететь. Он завидовал птицам, парящим в небе, которые могут подолгу любоваться щедротами лета. Как ему хотелось подняться ввысь! Но его единственное средство, способное наградить ощущением эйфории, находится далеко. На коляске туда добраться, конечно, можно, но в дороге необходима подзарядка батарей. Хотя — этот технический вопрос и не был самым сложным.

Решено было ехать вечером, когда родители уснут.

Нагрузив коляску всем необходимым, Володя отправился в путь, предварительно оставив родителям записку такого содержания: «Мама, папа! За меня не беспокойтесь, со мной все в порядке. Занимайтесь, как обычно, своими делами... Я скоро вернусь. Ваш Володька».

Ночь, звезды, луна сопровождали маленькую самоходную коляску уже четыре часа. Фары, разрезая тьму, вырывали у нее завуалированную дорогу.

Катит маленькая точка на черном фоне ночи, обгоняемая большегрузными автомобилями, спешащими куда-то в даль и исчезающими в пучине ночи, оставляя за собой, как недолгую память о себе, мерклый свет своих красных фонарей.

Светаает. Скорость совсем упала — разрядились аккумуляторы. Нужно где-то их зарядить, а где? Володя планировал зарядку в расположенном вблизи дороги городском поселке, возле магазина, где стояли автоматы газированной воды, которые, как полагал он, были подсоединены через штепсельную розетку. До поселка остается не больше километра, а коляска вот-вот станет. «Ничего не поделаешь», — подумал Володя и стал вручную крутить колеса, благо эту, ранее в процессе проектирования не предусмотренную функцию ручного привода он недавно доработал. Вот вдалеке показались очертания пятиэтажек. «Скоро будем на месте...» — мелькнула в голове мысль, вызвав по всему телу секундную дрожь.

Работать руками, приближая городок все ближе и ближе, с каждым метром становилось труднее. Наконец показался и магазин, в который всегда по пути следования в деревню, либо обратно, заезжал отец. Потому и знал об автоматах. А вот и они, автоматы. На улице пока еще нет людей, но скоро все отправятся по своим делам, заполнив тротуары привычным городскому жителю шумом.

Розетки не оказалось на месте, хотя раздобыть электричество не представляло большого труда — провода, которыми соединялся сатуратор, были доступны и в данный момент обесточены, но это и хорошо. Оголив ножиком проводку и подключив зарядное устройство, вмонтированное в коляску, он включил рубильник,

который располагался прямо над аппаратами. Лампочка, сигнализирующая о заряде, зажглась на приборном щитке. Процесс пошел. Оставалось только сидеть и ждать, пока она, лампочка, не погаснет, ознаменовав тем самым конец процесса заряда. Ждать придется долго, часа четыре, как минимум.

Достав из рюкзака книгу, Володя погрузился в чтение, в надежде скрасить время ожидания.

Прошло более двух часов, как маленький городок проснулся. Он бурлил, грохотал. Люди спешили на работу. Некоторые, проходя мимо магазина, удивленно смотрели на человека в инвалидной коляске, забившегося в угол между автоматами и читающего книгу. Так себе, недоуменно, проходили, не задавая лишних вопросов. Почти так же проходили минуты и часы. Прошло чуть ли не четыре часа, а лампочка все не гасла. «Совсем, видно, разрядились батареи, — подумал Володя. Тут уже и магазин открылся, нужно было отчаливать. — Может быть, где-либо в другом месте продолжить подзарядку? — спросил он сам себя. — А где? Не лучше ли дожидаться вечера, когда магазин закрывается, и продолжить начатое?..» И действительно, он отъехал от источника энергии. Вскоре обнаружил стоящую возле забора осветительную мачту, бестолку продолжавшую освещать улицу своим фонарем. Внизу у мачты находилась коробка с проводами и предохранителем. Подъехав ближе, Володя потащил крышку коробки — она поддалась ему. Провода оказа-

лись неизолированными, подключиться не составляло большого труда. Тихая улочка, утопающая в зелени кустов сирени, и осветительная мачта, за которой расположился наш герой, были хорошим укрытием от постороннего взгляда.

Процесс зарядки подошел к своему завершению только к середине дня. Володя вновь отправился в путь. Впереди его ждала еще долгая дорога. Ночью, судя по всему, он должен быть на месте. При этих мыслях по спине Володи вновь пробежали мурашки дрожи. И чем короче становился путь, тем большее волнение охватывало Володю...

Его взору предстало воспоминание детства, где он, еще маленький ребенок, бежит по белому от созревших одуванчиков, залитому солнцем полю навстречу матери, готовой принять своего малыша в объятия. Заливаясь громким смехом, он бежит, спотыкается, падает, как колобок, встает и продолжает свой бег. Все это теперь так далеко от него и больше никогда, никогда не вернется. А ведь так хотелось бы снова окунуться в беззаботное детство. Детство, которое имеет свой вкус и запах, наиболее способные запечатлеться в памяти на долгие годы и при малейшем сходстве вызывать волну новых воспоминаний.

У каждого из нас было свое детство. Оно оставило нам яркие запоминающиеся фрагменты. Будь то любимая игрушка, подаренная на день рождения, будь то — земляника, нанизанная

на тонкий стебелек какой-то травы, будь то — запах отцовской рабочей куртки, которой тебя укрывали во время долгого пути. Не случайно Володю терзают воспоминания, ведь по этой дороге он со своими родителями сквозь все детство проездили в деревню, дорога, которая также имеет свое место в воспоминаниях детства.

Раздавшийся за спиной душераздирающий сигнал большегрузного автомобиля протрезвил Володю. Он с испугом заметил, что прекратил наблюдение за дорогой — двигался почти по середине проезжей части. Свернув на ранее занимаемую сторону, продолжил свой путь далее. Изнывающая жара провоцировала жажду. Вода у него вся окончилась. Надо было напиться вдоволь и пополнить запасы живительной влаги. Приблизившись вплотную к цементному кольцу колодца, он взялся за рукоять подъемника и стал крутить, опуская ведро в недра глубины. Подняв ведро и изловчившись схватить его за ручку, стал с жадностью вздох глотать студеною воду. Напившись вдоволь, он наполнил пустую флягу и наконец съехал в тень какого-то дерева, решив отдохнуть и подкрепиться.

Передохнув, он снова покатил дальше.

Дорога... Это пленительное и завораживающее слово, эта волшебная лента, с помощью которой возможно превращение маленькой-маленькой точки, еле виднеющейся на горизонте, в огромный замок, дом, город. С помощью этой ленты можно завладеть временем, которого постоянно не хватает, и размышлять в пути о чем угодно.

Володя гнал от себя мешавшие ему мысли. Как ни старался освободиться от них, они бурмангами возвращались в голову обратно, постоянно навевая какие-то сюжеты из жизни, такой короткой и неказистой. Жизни, которая вопреки всему продолжается. Всплывающие образы родителей тревожили его, ему казалось, что никогда еще он не любил никого так, как своих родителей, давших ему путевку в этот мир, мир жизни, цветов и солнца. Мысль, как сильнейший удар тока, поразило вдруг его мозг, вызвав на лбу крупные капли пота. «А вдруг, я их больше не увижу, как и все это, что принадлежит мне в этот миг времени?» В эти минуты ему хотелось заплакать, но стиснув зубы и уцепившись в подлокотник коляски, он сдержал внезапный наплыв нежелательных эмоций.

Вечерело.

«Скоро буду на месте... — постарался сменить ход своих мыслей Володя. — Когда доберусь до сарая, нужно тихонько проникнуть вовнутрь и без шума выкатить машину на дорогу, предварительно осмотрев и заправив ее как следует. Выкатить ее нужно поздней ночью, чтобы успеть подзарядить снова севшие аккумуляторы, ведь буксировать машину к месту старта придется коляской.»

Вот уже и крутой подъем дороги, с которого предстоит начинать разгон на взлет. Коляска с трудом, но пока еще своим ходом идет. Не выдержав черепашьей медлительности, он стал помогать ей руками. Сарай стоит за домом, весь

заросший зеленью, как впрочем и все вокруг, ведь тут давно уже никто не живет. Никто сюда и не приезжает. Гнилой забор преградил движение. Нужно было его разобрать. Попытка протаранить ни к чему не привела, поскольку коляска уже не могла своим ходом двигаться. Пришлось вырывать сгнившие штакетины. Это занятие заняло много времени, но было все же доведено до конца. Старый, ржавый замок на сарае, на удивление, долго не сопротивлялся — сдался под небольшим усилием ключа. Распахнув скрипучие ворота, его взору предстала во всей своей красе винтокрылая машина. Застыв, как замороженный, он стоял так еще долго. От предвкушения чего-то выходящего за рамки обыденности у него перехватило дыхание. Очнувшись от задумчивости, не теряя ни минуты, тут же принялся за дело.

Для начала — нужно было самолет завести, проверить узлы и зарядить батареи коляски. Выполнив два пункта, он тут же приступил к третьему, как был разочарован неимоверно. В сарае не было электричества. «Может, в доме есть?» — подумал Володя. Сгнившие ступеньки были большим препятствием. И не только. Почему-то ключ от дома наотрез отказался открывать замок. «Может, разбить окно и рукой попробовать дотянуться до розетки? А если пробки выкручены, что наверняка и было сделано?» Ему нужно было любой ценой проникнуть в дом. Достав отвертку из «бардачка», устроенного под сиденьем, Володя вырвал

пробой и открыл дверь. Собрав полусгнившие штакетины и постелив их в ряд на ступеньки, вымостил таким образом хлипкий пандус и въехал в дом. Счетчик, расположенный в веранде с зияющими глазницами, в виде отверстий для пробок, зловеще глядел на Володю сквозь мрак, окутавший все, и как бы хотел сказать: «Уходи отсюда, пока цел, беги домой к родителям». Но Володя, превозмогая нестерпимую боль, встал и, опершись о холодильник, трясущимися от нестерпимого волнения руками, вкрутил пробки на место. Зажглась лампочка в веранде. Володя испугано бросился ее выключить — боялся, что кто-нибудь заметит свет в пустующем уже долгое время доме и прибежит сюда, не дав осуществиться его, Володиным, планам. Снова — полный мрак, только слышна была стрекотня кузнечиков.

Два часа подзарядки аккумуляторов — вполне достаточно, чтобы сдвинуть коляску с места и вытянуть на дорогу самолет. Сидя в доме и глядя на звезды, Володя терзался в сомнениях. Разные недобрые мысли и предчувствия беспокоили. Скорей, скорей бы все это закончилось.

А тем временем дома, в городе, в его маленькой комнатке горел свет. Родители прочли записку еще утром и теперь во мраке ночи теплили надежду о возвращении сына. Похоже, напрасно медлили — нужно было действовать, принимать меры. Отец догадывался, где может быть его сын, но старался отогнать это нелепое пред-

положение, считая, что Володя не мог добрать-ся самостоятельно на коляске в деревню, и, не теряя надежды, обзвонил всех знакомых и друзей Володи, телефоны которых обнаружили в его записной книжке.

— Собирайся! — крикнул на заплаканную мать отец после безуспешного поиска. Они спустились в гараж, где, сжав волю в кулак, Виктор Михайлович сел за руль автомобиля.

Машина с жадностью на большой скорости поглощала черное тело дороги, освещаемое яркими фарами. «Быстрее, быстрее!..» — подгонял Виктор Михайлович в мыслях машину, которая и без того неслась на предельной скорости.

— Господи, только б все было в порядке... Только бы успеть... — бормотала, не находя себе места, заплаканная мать.

Тяжелый червь нехорошего предчувствия въедался в мозг отца, который боялся опоздать.

Прошло два часа. Володя уже находился возле самолета, крепя к нему один конец веревки, а второй — к своему креслу. Сейчас — самое главное аккуратно выехать, чтобы не повредить крылья.

И вот — во мраке ночи стоит крылатая машина, отражающая блики месяца, который неразлучно всю дорогу сопровождал Володю, говоря всем своим видом о своей преданности и полной готовности встретить его. Дрожь охватила тело юноши. От волнения сдавило дыха-

ние. Посидев где-то с минуту в своей любимой коляске, он наконец подъехал к двигателю и, упершись коляской в фюзеляж самолета, дернул тросик заводки. Отлаженная машина, которая будто бы ждала этого момента, так же, как и Володя, не заставила себя долго уговаривать, взревела, как зверь, разрывающий добычу. Превозмогая боль, опираясь о крыло, Володя взобрался на долгожданное место и от волнения забыл, что нужно делать дальше. Схватившись за штурвал, он чуть было уже не тронулся с места, как вспомнил о своей неразлучной спутнице — коляске. Вытащив из кармана пульт, отогнал ее в сторону.

Начало светать. Солнце, отдохнувшее где-то там, за горами, выплывало из-за облаков.

— В путь! — сказал сам себе Володя и пустил самолет на разгон, и тот, набирая скорость, пронзая со свистом воздух, катился вниз до начала желаемого подъема. Вот и подъем. Отрыв от земли... — Взлетел! — крикнул во весь голос Володя, глотая холодный напор воздуха. — Я взлетел!.. Я лечу-у!

Сделав круг над дачами, он отправился вперед, куда глаза глядят. В эти минуты его ничто уже не заботило...

То блаженство, к которому он так стремился, — вот оно, перед ним. Необъятные просторы неба — они все теперь принадлежат ему. И ничто, и никто не в состоянии прервать, остановить эту, начавшую набирать силу эйфорию.

— О, жизнь, как ты прекрасна!.. — уже который раз восклицал Володя.

Он был на высоте, как раз в той ее точке, с которой смотрят птицы на землю. Над ним плыли облака, а где-то за облаками, высоко, невидимо мерцали звезды. Облака — вот они, рядом, как ватные подушки, и так близко, что так хочется их коснуться, к ним приблизиться. А вот и тот замок, точь-в-точь, как в том пьянящем сне.

«Вот он — предо мною, во всем своем великолепии, такой легкий и воздушный, величественный. Это он! Да он еще стал краше и светлее. Но куда же ты, куда?.. Пстой, не улетай, — хмельной от этого пьянящего потока воздуха, Володя следовал за ним. Возжелав его раз и увидев воочию, он кричал, что никому его не отдаст. — Он — мой, мой и только мой!»

Продолжая поглощать все великолепие этого цветущего, по-раннему свежего и студеного утра, юноша забыл про все. Самолет и он воплощали собой нечто целое, неделимое. Самолет, как будто сам понимая свое дело, летел так, как и необходимо было лететь. Время остановилось. Внизу огромными разноцветными заплатками лежали поля, засеянные пшеницей, клевером, ромашками. Никогда в своей жизни Володя не испытывал такой легкости и такой свободы. «Птицы! Птицы! Я теперь, как и вы, могу лететь, могу лететь с вами, с вами смотреть вниз на голубые бриллианты озер, окаймленных живой зеленью. — Как красив тот лес, в сердце кото-

рого спряталось чистое и прохладное, окаймленное зеленью деревьев, озеро, в котором Володя видел отражение самолета. Озеро своей огромной доброй улыбкой пожелало ему счастливого пути. — Озеро, я без ума от твоей красоты, от того, что по твоей глади плавают две красивейших птицы... — Лебеди спокойно, не обращая внимания на рев мотора, беззаботно красовались, излучая так же огромное количество энергии добра и мира. — Я счастлив, счастлив!.. — кричал Володя. — Я счастливее всех на свете. Я лечу! Лечу! Лечу! Я выше всех тех, кто там, внизу. Выше деревьев, домов, труб заводов... Ведь я — вот он. Лечу!.. Разве вы меня не видите?! — обращался Володя к тем людям, которые работали в поле. — Ха-ха-ха. Сбылась мечта. Сбылась!.. О, жизнь, как ты прекрасна! — Снова и снова повторял он. — Ради этого только и стоит жить. И я живу... Живу здесь и сейчас. Живу всюду. Я огромен, меня нельзя объять. Я — вселенная. Я — горы. Я — реки. Я — леса, поля. Я — все!.. Да, небо — оно бескрайнее! Оно — везде! Оно, как я, такое же необъятное. Все проблемы, беды, несчастья — они ничто. Они не стоят и глотка этого холодного воздуха, которым я так упиваюсь...»

Восторгу Володи не было конца.

Подлое время, которое затаилось, притворившись спящим, вдруг проснулось, напомнив о себе. Показав свой жестокий и неумолимый норов, что все в этой жизни не может быть вечно. Что время — оно повелитель всего, ему все поклоняет-

ся, ему все подвластны. И наслаждаться нельзя бесконечно. Все имеет свой предел.

Володя, до этого так беззаботно паривший в небе, вдруг вернулся в действительность. А она была не так любезна и заманчива. Двигатель самолета замолчал, и винт прекратил свое вращение. Володя в момент настоящей жизни забыл о том, что все в этом мире заканчивается рано или поздно. Так закончилось и топливо.

Планируя в воздухе, самолет постепенно терял высоту. Страх падения охватил бы любого, но не Володю. Миновал секундный испуг — и все, дрожи в теле нет.

Жизнь продолжается. Образы давно забытых дней, проникая из глубины прожитого, всплывают перед глазами. Пробужденные воспаленным сознанием, такие милые и родные, они маняще зовут к себе. От них исходит нечто такое, на что ты обратил внимание только сейчас и никогда раньше не обращал.

Но жалости и близко не было. И лишь только потому, что она ни к чему тут — ведь жалеть не о чем, все то, о чем ты мечтал всю свою жизнь, — сбылось.

РАССКАЗЫ

ЗАРИСОВКИ

КАПЕЛЬКА РОСЫ

Дорога... Ах, это сладкое, манящее слово, заключающее в себе такой необъятный смысл!

И действительно: дорога — это движение, постоянная смена обстановки; дорога — это символ бесконечности...

Все мы, живущие кроме всех остальных дорог имеем — каждый свою. И у каждого из нас *своя* дорога извивается, пересекается с другими, но никто, как ни странно, никогда не знает, где на этой его дороге припрятан коварный ухаб, о который изготована участь споткнуться.

Утро. Парк провинциального городка. Похоже, играет какая-то старая, эпохи развитого социализма, заезженная пластинка. Через гнилые от времени, дырявые громкоговорители льется нечто, отдаленно напоминающее знакомую мелодию тех давних, покрытых пылью и пропитанных нафталином, лет: возможно — военный марш, а может — и что-то другое.

Домик служителя парка расположен в самом центре зеленого сквера. Это небольшая постройка, похожая скорее на сказочный замок. Крыша покрыта красной черепицей, с установленными на ней двумя округло-синими, наподобие огромной капли, башенками по краям, а посередине — возвышается белый конусообразный шпиль с вращающимся флюгером на острие.

Резные, белые, словно кружевные салфетки, наличники приветливо смотрят по трем сторонам; такая же замысловато-резная веранда выступает с четвертой, северной, стороны. Стены домика обиты зелеными чешуйками вагонки, незаметно сливающимися со всем этим окружающим великолепием!

Через распахнутое окно слышны запахи сырости, свежей краски, шкварчащего на плитке завтрака. В самом домике все вещи аккуратно и бережно расставлены. Идеальная чистота, несмотря на ветхость и шаткость внутреннего убранства, выдает в хозяине долгое одиночество, с которым он уже давно смирился и со всем его не ощущает.

У плиты суетился убеленный седой человек. Жизнь, прогнувшая его по-военному стройную некогда осанку, пожаловала ему в награду за долготерпение чистые голубые глаза, глубокие и весьма добродушные. А еще — оставила что-то намного значительнейшее, чем просто существование, ставшее уже почти что нормой жизни для большинства его ровесников, обреченных на однообразно-бездарное времяпровождение. Да, он даже счастлив тем, что дни его не проходят в сидении на лавочке и жевании сплетен. Счастлив тем, что живет ради высокой цели — дарит людям радость. И еще его счастье в том, что он не является ни для кого обузой... Ну, конечно же, — счастлив тем, что одинок.

Вы спросите меня: разве одинокий может быть счастлив?.. Так вот, я вам так отвечу: обык-

новенному человеку для счастья нужно очень много: дети, деньги, квартира, машина... А у нашего старика — другой мир и другие цели. Он живет глубоко убежденным, что в этой жизни не все успел и впереди еще много работы...

Солнце начинает припекать. Капельки росы, обильно насытившие влагой травяное зеленое покрывало, постепенно исчезают, унося с собой всю свежесть минувшей ночи. С приходом дня парк наполняется неторопливым, свойственным только ему в такое время гулом. Первые посетители, желающие уединиться не столько от взглядов прохожих, как от жгучих лучей летнего солнца, стремятся именно сюда, в парк, — под кроны широкоплечих каштанов, под еще сохранившуюся в тени свежесть.

Вот художники усаживаются у своих мольбертов под сенью тенистых алей, дабы запечатлеть красу этого уголка; вот неспешно прогуливаются пенсионеры, коротая свои дни в таком же неспешном ритме, которым живет парк в эти часы; вот влюбленные молодые гуляки, потерявшие счет времени и для которых ночь пролетела незаметно, по-прежнему продолжают ворковать на скамейке, несмотря ни на что. Немногочисленные спортсмены бодро пробегают трусцой по песчаным дорожкам, завершая утреннюю разминку...

В глубине парка — небольшой чистый пруд, опоясанный зелено-белой цепью стройных берез. Над прозрачной гладью воды клубится ме-

стами редкая, еще не развеянная дымка утреннего тумана. Вокруг березового ожерелья кольцом вымощена песчаная дорожка, и те немногие пешеходы, проходящие по ней, даже не догадываются, что в густой кроне плакучей ивы, склонившейся над водой, спрятался мальчишка-рыбак. Ему кажется, будто его никто не видит. Отчасти он прав: не все прохожие его замечают. Но старик, который делает вид, что прогуливается, уже давно высмотрел рыбака: сначала увидел леску с блеснувшей на солнце плотвичкой, потом уже и сосредоточенного мальчонку под деревом. Настоящий рыбак всегда боится сглазу, потому старается уединяться. Похоже, и этот под прикрытием густой листвы чувствует себя счастливчиком.

Непуганая здешняя рыба без труда клюет на незамысловатую хлебную наживку. В такую пору без особой изворотливости можно наловить пару дюжин рыбешек. Только и дело — успевай забрасывать. Рыбешка хоть и мелкая, зато ее много и можно спокойно наскрести себе на пропитание.

Да, на пропитание. Вы не ослышались — мальчик давно уже самоотверженно сражается за свое существование. Не нуждается, собственно, ни в чьей помощи. Живет он здесь неподалеку в вырытой наспех землянке. В школу, как все дети, давно уже не ходит. Ему и не хочется в школу, как раньше. И зачем она, школа, когда ты уже взрослый и многое умеешь делать сам. Вот только в этой, не по годам взрос-

лой жизни, ему, пожалуй, чего и не хватает, так это — тепла да ласки родительской. А все остальное его несколько не беспокоит. Все со временем у него обязательно появится.

О матери остались самые теплые воспоминания. Мама до конца дней своих была для него самым родным и дорогим человеком. Все самое теплое и ласковое осталось в том солнечном и беззаботном детстве, где они были все вместе. Правильно — все вместе. Когда жизнь была сказкой, где не надо было думать о насущном, искать себе убежище. Где он был самым счастливым во всем свете ребенком. Тогда все вокруг казалось таким добрым и приветным, что места злему просто быть не могло. Но жизнь в один день перевернулась — просто кувыркнулась вверх тормашками, и все пошло совсем не так, как мечталось, совсем не так, как хотелось. Все пошло очень больно и безжалостно.

У главного героя есть мечта — отправиться в мир бесконечной дороги и неведомых открытий, в мир беззаботного, граничащего с детским, воображения. В мир, где реальность превращается в сплошную сказку, а вся жизнь — в беспредельно-нескучную дорогу. Где в ярких солнечных лучиках будет постоянно присутствовать тепло материнской ласки. Ведь мамка — это и есть солнышко, и когда оно рядом — совсем ничего не страшно на всем белом свете.

Вот и снова зашуршали листья — из густой шапки дерева сначала показались босые ноги, а затем и весь белоголовый пацаненок. В

руках у него была, нанизанная на проволоку, рыбешка. Оглядевшись по сторонам, он спешно направился к своему жилищу. Ступая босыми ногами по песчаному полотну дорожки, старался не привлечь лишнего внимания. А рыбешку спрятал под длинный подол многое выдавшей рубашки. Вдруг он увидел на скамейке, на которой никогда никто не сидел, какого-то дремавшего старика. Как только поравнялся со скамейкой, старик открыл глаза и произнес, как ни в чем не бывало:

— Ну как сегодня улов? Небось — намаялся, пока наловил?

— Какое тебе дело?! Сидишь себе, так и сиди, — вызывающе пробурчал нахаленок.

— Что ж ты сразу так — хамить?.. Разве тебя в школе не учили, как нужно со старшими общаться? — старик лукаво улыбнулся. — Подойди-ка лучше сюда и присядь... Я хочу с тобой поговорить, — доверительно сказал он.

— Это зачем мне с вами говорить?

— Иди, иди... Не бойся меня.

Мальчик не долго думал — подошел к скамейке.

— Ты меня не знаешь? — спросил старик.

— Нет, не знаю.

— Я здесь живу... Совсем близко.

— А мне-то зачем это знать? — Мальчик покосился на старика.

— Ты есть хочешь?

— Я всегда хочу есть.

— Тогда пойдем ко мне... У меня как раз еда на столе стынет. Представь, специально для

тебя готовил. — Старик поднялся со скамейки. — Так идем?

— Идете... От еды отказываться не стану.

— Не думай обо мне плохо... Я ведь знаю, что ты — хороший рыбак. Просто — мастер. А коль умеешь рыбу ловить, так что-то же и еще умеешь хорошо делать.

Они направились к домику служителя. Пока шли, ни один из них не проронил ни слова. «Очень, очень странный дедуля... — думал мальчик. — Он, наверное, сумасшедший... Ну и пускай себе. А кушать-то и впрямь хочется...»

В малой кухоньке стоял застланный стол, а на нем — сковорода с ароматной жареной картошкой. И рядом — аппетитные кружочки колбасы. При виде такой вкуснятины у гостя загорелись глаза. Сглотнув слюну, он с жадностью накинулся на еще горячие картофельные ломтики, поедая их вместе с колбасой.

После завтрака старик усадил мальчугана в кресло, сам сел напротив в такое же кресло и, как бы невзначай, произнес:

— Жарко сегодня.

— Угу, — кивнул ему в ответ гость.

— А знаешь — сегодня будет самая теплая ночь.

— Не знаю... Да мне все равно. Лишь бы не холодно.

— А я знаю. — Старик как-то необычно стал серьезен, более удобно уселся. — Я даже знаю, как тебе помочь. Не удивляйся — знаю!.. Ты ведь, кажется, мечтаешь о вечной дороге?

— Ну — это... Это, допустим, только мое дело... Личное.

— Так вот — с сегодняшнего дня твоя мечта и начнет осуществляться. И никто другой, а именно я тебе помогу обрести ту путеводную звезду, которая укажет из множества путей — тот, единственный, по которому пойдешь в жизнь и никогда не собьешься с него, не заблудишь. Я открою тебе секрет, с помощью которого ты будешь пополнять свои силы. Я открою тебе источник вечной молодости... Открою тебе дверь в твою большую жизнь. В твое будущее.

Мальчик глядел на старика и пытался в его играющем морщинками лице разглядеть если не крайнее сумасшествие, то некий налет помешательства. Но и близко ничего подобного не было, кроме полнейшего доверия и нескрываемого радушия. Казалось, они знакомы друг с другом уже целую вечность — ближе и роднее этого старика у мальчика нет и не было никого на свете.

Идет человек. Пыльная, извивающаяся змеей, дорога обжигает его уставшие ноги раскаленным на солнце песком.

Идет человек — он, словно маленькая точка, медленно движется на фоне бесконечной дороги. И чем ближе она к горизонту, тем становится все меньше и меньше, наконец и совсем исчезает.

За плечами путника уже не один десяток километров. Куда он идет? Пожалуй, и сам не

знает. У него нет ни карты, ни компаса. Да они ему и ни к чему. Полностью доверяя своим ногам, беспрекословно повинаясь им, он продолжает свой путь. Миновал он много городов и деревень. Поля, леса, озера, бескрайнее небо и жгучее солнце, холодный ветер и одинокие звезды — вот его постоянные и верные ориентиры-попутчики, с которыми ему всегда интересно.

Человек, чей столь прекрасный и загадочный образ привлек наш взор, шел себе вперед. И из его уст появлялась на свет никому доселе не известная мелодия — мелодия, которая рождалась в нем самом. Эту песнь души слушала также и дорога. Потому и шагалось ему легко. Он счастливыми по-детски глазами хватал все, все, что только мог запечатлеть его алчный взгляд. Ему все время казалось, будто бы он, вот-вот, как наполненный гелием шар, взлетит от радости, распиравшей его душу. И не диво — все то, что имел он, было огромно, величественно и бесконечно, и потому ему хотелось все это вобрать в себя.

Он радовался, потому как был счастлив. Все, что только могло излучать и дарить жизнь, окрыляло его. Большая холодная капелька росы, свисавшая с листка подорожника, готовая упасть и разбиться на десятки, сотни изумрудных кристалликов, и была самым что ни есть волшебным утром, его первым живительным вздохом.

МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ

Зима.

Морозный вечер.

Белый пушистый снег искрится под светом желтых фонарей и, плавно опускаясь на землю, укрывает ее сплошным покрывалом. Только звонкий городской гул нарушает эту неторопливую песнь природы.

Город бурлит потоками машин, пешеходов. Все торопятся. Всем куда-то надо. Спешат с работы — из магазинов, из фабрик и заводов, из учреждений, из детского садика. Каждого кто-то ждет дома вот в этих самых светящихся сотах многоэтажек, где попеременно то вспыхивает, то гаснет свет. Там, где свет в окне, — там ждут, а где мрак — там пустота. Грустно быть одному в этой толпе абсолютно чужих тебе людей. Обыкновенному городскому подростку в такие моменты хочется тепла и немного счастья. И даже — любви. Горячей любви, живой... Когда чего-то очень сильно захотеть, то желание непременно превратится в реальность. И мир изменится, а вместе с ним и вся жизнь.

Однажды Андрей брел по людному в предпраздничные дни городу. Просто так, без всякой надобности, а может искал ее? Кто знает!

Яркие светящиеся витрины, запорошенные снегом улицы. В воздухе так и витало настрое-

ние праздника, ведь впереди — Новый год. Рождество. Но в душе Андрея праздника не было, скорее — пустота... Что-то похожее на очередной бессмысленный вечер.

На витрине небольшого игрушечного магазина Андрей увидел смешного человечка: гномик был размером с открытку, в синей, длинной, прямо до ног спадающей куртке-балахоне, в смешной, не по нем сшитой шапке, и, весь посыпанный снегом, держал в руках маленькие лыжи. Что-то в нем было такое простое, доброе — такое, что заставило Андрея войти в магазин и купить игрушку.

Он продолжал бродить по заснеженному городу в поисках... Впрочем, наверное, просто так. Только начал было размышлять над тем, кому все-таки подарить этого симпатичного, непутевого паренька, как тут его будто ударило молнией, да так, что вдруг все забыл. Опомнившись, не поверил своим глазам: девушка где-то его возраста, необычно красивая, с золотистыми вьющимися волосами, припорошенными снегом, стояла, словно ангел, напротив и в ее голубых глазах искрилось море детской непосредственности, света и свободы. Улыбка, скользнувшая по ее губам, таила в себе огромный потенциал энергии, готовый вот-вот разрядиться громким смехом. И тут же смех этот вырвался из ее уст, такой живой и настоящий.

Андрей не мог находиться в нерешительности. Он также стал смеяться. Им было все равно, что о них подумают люди. Обыкновенные

люди не знали, да и не могли знать, что эти смеющиеся — самые счастливые на всей планете.

Темно. Звездное небо окутало все пространство. Где-то позади остались те витрины, украшенные гирляндами разноцветных огней, уличные фонари. Светящиеся окна домов также исчезали в ночи. Падал снег. Белый, девственно чистый, он тихо опускался в мягкую перину, сбитую из снежинок. Ноги, ступая по необычному настилу, неглубоко утопали, и мягкость этих ощущений передавалась всему телу. А дорога все не кончалась. Она вела двоих молодых в чарующую неизвестность, от чего становилось как-то особенно приятно. А может — все от того, что они вместе, рядом, и что этого момента ждали всю свою жизнь.

Расставаться им совсем не хотелось. Они шли вперед, взявшись за руки. Она в левой руке несла, прижав к груди, маленького, игрушечного гномика. Он, сжимая в своей руке ее нежную ручонку, глядел на звезды и думал. Думал о том, что эти мгновения жизни, как великая музыка, зовет куда-то вдаль, в неизвестное. Они, как сказочный миф, который с рассветом может растаять. И от ощущения того, что все это блаженство тленно, ему на мгновение стало как-то тоскливо. Стараясь гнать от себя эти мысли, он крепче сжал руку спутницы.

Шли молча. Говорить было не о чем. Все, что можно было сказать, было сказано. Их сердца слушали музыку чувств.

На рассвете они вернулись-таки в реальность и поняли, что находятся не в облаках и не в сказке, а на земле — в том самом городе. Как будто они из него и не уходили.

— Пора расставаться.

— Настя, обещай мне, что мы всегда будем вместе.

Она улыбнулась и, подняв на него свои голубые глаза, тихо произнесла:

— Мы еще встретимся... — легонько повернулась и убежала, скрылась за поворотом.

Андрей не в силах был даже пошевелиться, не говоря о том, чтобы догнать ее.

Шли дни, недели, а встретить Настю все не удавалось. Андрей искал ее всюду — бродил по городу, заглядывая в магазины, кафе, и ему уже казалось: не сон ли то был... Почудилось и только. И он часто повторял одно и то же: «Где ты, любимая?.. Настя, я жду тебя! Мне тебя не хватает...»

Прошло много лет и сентиментальный наивный подросток стал взрослым человеком, успевшим повидать и вкусить от жизни немалое. Время разрушает память, как и вода разрушет скальные утесы. Время подобно солнцу, обещающему пестрые краски природы. Так и Андрей Петрович с годами образ любимой

Настеньки подрастерял, черты ее личика, заметно поблекнув, уподобились вымыслу.

Жизнь по-прежнему продолжалась, а он все так же, как и когда-то, возвращал себя в мыслях в зимний заснеженный ночной город, где обитала Она, чтобы встретиться с ней и высказать наболевшее...

В реальной жизни у Андрея Петровича внешне все было нормально, только вот любви и теплых отношений в семье почему-то не доставало. Тянуло к Насте. Все это — как следствие человеческой сути, его неугомонной натуры. Он не был удовлетворен жизнью, ему всегда хотелось чего-то большего, граничащего порой с безумием.

Время от времени у каждого из нас возникает потребность открыться, высказать наболевшее, и тогда мы стремимся обрести в ком-то родственную душу, которая смогла бы принять и понять тебя. И этой душой была Настя. Перед ней он готов был держать ответ за свои ошибки. А где-то там, глубоко внутри, все так же, по-детски таилась несмелая надежда встретиться.

Как-то по осени, после завершения уборочных работ на дачном участке, Андрей Петрович принялся поднимать полусгнивший пол в доме. Работа эта была не сложная, доски легко поддавались, рассыпаясь под натиском инструмента. За время ремонта он отыскал множество разных нужных и ненужных вещей, провалившихся либо закатившихся некогда под пол. В памяти то и дело всплывали фрагменты из

жизни, связанные с этими предметами. Вот медный наконечник, которым проталкивают упрямую иголку, его тогда долго искали, а он, негодник, закатился под шкаф, которым была прикрыта огромная дыра в полу; вот старый железный рубль с рельефом вождя; а вот пинг-понговый шарик и пузырьки от лекарств; вот железная, практически полностью проржавевшая коробочка... Ну-ка, что в ней? Какой-то целлофановый длинный мешок. А в нем что-то есть... Конверт. Письмо... Боже мой — ее письмо!

Как давно это было, просто страшно подумать. А он и не знал, не знал, проходя по гнилым доскам дачной хибары, что Настя — рядом, и ей очень больно... Нужна была его помощь. Жена, зная об этом, сочла нужным скрыть письмо, обезопасив таким образом свою семью от лишних ненужных потрясений. А в это время она, умирая, молила о встрече. И он не знал об этом...

Нет, это, конечно же, не оправдание, а боль. Боль, прокатившаяся по всей его жизни. Боль по той, которую пронес в своем сердце такой, какой повстречал в тот зимний морозный вечер, с гибелью которой погиб и тот маленький остров, на котором всегда его ждали.

САМОВАР

*Бедная была эта радость,
столь же бедная, как и та,
что испытывал я от ваксы,
от плеточки. (Все человечес
кие радости бедны, есть в нас
кто-то, кто внушает нам
порой горькую жалость к
самим себе).*

Иван Бунин

Морозно. Барахолка. Замызганный осенней грязью асфальт исчез под белым снегом. Ветер, налетая, подымает снежную пыль и кружит ее, наметая заносы. Хрустя, на снежном крахмальном покрывале отпечатываются следы. Закоченевшие торговцы с бурачно-красными лицами переминаются с ноги на ногу, периодически смахивая щеткой со своего товара снежный пух. Замки, лампочки, ключи, крючки, удочки, всякая ржавая, грязная всячина. Напротив одного торговца остановился человек и стал рассматривать старый, позеленевший, с помятыми боками самовар. Отведя взгляд, он задумался. По его лицу скользнула улыбка, словно в этот момент вспомнил нечто приятное. Потом его маленькие серые глаза стали влажными, и от улыбки не осталось и следа.

Постояв немного, он еще раз взглянул на самовар и ушел довольно озабоченным. Через

некоторое время появился на рынке снова, неуверенно направился к торговцу.

— Послушайте, любезный, сколько вы просите за вот эту вещь? — тонким, надрывистым голосом спросил человек, коснувшись деревянной ручки самовара.

Подошедший почему-то вызвал явную неприязнь торговца, и тот с нескрываемым недовольством промычал:

— Полтинник.

— А нельзя ли подешевле... Скажем, за десятку?

— Двадцать, — тем же тоном произнес продавец.

— Пятнадцать, — не унимался покупатель.

— Двадцать, — подчеркнуто ответил хозяин самовара.

— А может, сойдемся на восемнадцати? — ощущая нерасположенность собеседника, умоляюще произнес покупатель.

— Двадцать.

Человек расстегнул плащ, отшпилил булавку на внутреннем кармане и достал вытертый пакет из-под молока, скрепленный черной резинкой. Отсчитал двадцать бумажек и, не глядя в глаза, протянул торговцу...

Завернув в какую-то изодранную тряпку самовар, он взял его двумя руками и направился к выходу.

Человек этот был сутулый, маленького роста, с маленькими подвижными глазами. На нем был серый, выдавший многое на своем веку, ветхий

и совсем измятый плащ. На голове — старенький бесформенный берет с вытертыми боками. Ботинки с обшарпанными носами, искривленные стоптанные каблуки. Шарф, замотанный вокруг шеи в несколько раз, по-видимому, не согревал его, и человек, втянув голову в плечи, с отвращением шел навстречу метели. В предвкушении домашнего тепла представил свою крохотную комнатнушку и себя в кресле, в любимых стареньких тапочках, укрывшимся пледом и пьющим горячий чай. От этих мыслей немного расслабился и, уже не противясь колючему, бьющему по лицу снегу, убавил шаг.

По дороге ему повстречался старый сослуживец. Они поздоровались. Человек с самоваром, не желая вступать в разговор, сделал вид, будто он торопится, извинился и пошел дальше. Подходя к своему дому, получше обернул медную ношу и, посмотрев по сторонам, вошел в подъезд.

Страдая одышкой, с трудом поднялся на свой этаж, опустил самовар на пол и принялся доставать ключи. Наконец открыл верхний замок, нижний, а затем и дверь. Из комнаты пахнуло затхлостью коммуналки, ее извечными тараканами, пылью, сыростью. Под отслоившейся на полу местами краской виднелись вековые слои старой.

В комнате стоял неисправный телевизор, старый и громоздкий. Рядом — такая же неисправная радиола. Часы с гирьками давно остановились и, казалось, вместе с ними остано-

вилось время. Рев просыпавшегося время от времени холодильника, похожего на носорога, с массивной крюкообразной ручкой на дверце, был единственным шумом в этой квартире.

Поставив свою покупку на стол, человек вытащил из кармана плаща еще один затертый пакетик, достал очки со сцепленными резинкой дужками. Вернулся в прихожую. Переоделся.

В очках он казался более интеллигентным, лицо сделалось одухотвореннее. Свое приобретение он разглядывал с большим интересом. Наконец произнес:

— Да, умели же делать раньше...

Повернув самовар, попытался прочесть какие-то засечки. На окислившейся медной поверхности они были плохо различимы. Гримаса детской радости застыла на его лице. Глаза прослезились, и он задумался. Представилась большая, вся в дорогом убранстве, гостиная. Отблески свечей отражались в серебряных подсвечниках, столовых приборах, в составленной из разноцветного стекла мозаике окна. Большой стол с множеством разных яств благоухал такими ароматами, что человек, сглотив, аппетитно причмокнул губами. Играла какая-то старинная музыка, и господа усаживались за стол. Потом, не торопясь, молча кушали. Думали каждый о своем. И когда ужин подходил к завершению, хозяин вдруг зычно крикнул прислуге: «Самовар!» И тут же появился на столе пышущий жаром, отполированный, безумно

красивый в блеске свечей, самовар. Господа наполнили чашки и с наслаждением, маленькими глотками начали пить чай.

— Мм-да... — произнес человек и тут вспомнил, что не помешало бы подкрепиться.

В холодильнике сиротливо глядели на него две скрюченные сосиски, недопитый пакет кефира и банка давно просроченной тушенки. Покушав, он, не мешкая, отправился в соседнюю квартиру и позвал к себе Петровича. Это был высокий и всегда смеющийся человек.

— Ну, показывай свой антиквариат.

Человек провел соседа в комнату и робко произнес:

— Вот... Полюбуйся.

— Господи... Да он же такой старый. К тому же — угольный. Гляди, еще и дырявый, — смеясь от души, говорил сосед.

— Да что ты понимаешь... Ведь это старая вещь... Раньше делали все на совесть, не ровня нынешним поделкам. За что ни возьмись — хлипкое и никуда не годное.

— Ладно, кончай ерундой маяться, я пойду.

— Подожди... Вот совсем недавно, посмотри, какую вещь возле контейнера нашел. — Достал из-под стола коробку. В ней были сложены одна к одной старые пластинки. — Видишь, новенькие. — Бережно извлек крайнюю из бумажного чехла. — Ни одной царапинки.

— Ну, а этот хлам тебе на кой?.. — и, безнадежно махнув рукой, направился к двери. —

Ты уже сам стал таким, как и твои вещи, разве что паутиной не покрылся.

Когда он ушел, человек вернулся в кухню, открыл дверцу шкафчика, достал бутылку дешевого вина и банку тушенки из холодильника...

Совсем темно стало за окном. Хмелея все больше и больше, он предавался сладостным размышлениям о смысле жизни.

МИШУТКА И ЗВЕЗДЫ

На шатком, скрипучем от старости мостике, болтая ногами по зеленой от тины воде озера, сидит Мишутка. Он не просто здесь сидит, а ждет. Ждет, когда на небе появятся месяц и первые звезды. Это его, пожалуй, самое любимое время. Именно сейчас, когда он смотрит на бесконечно-звездный океан, ему хочется поделиться частичкой небесной красоты с кем-либо. Но рядом никого нет, и некому принять частичку несметного богатства и порадоваться вместе с ним. От этого Мишутке становится грустно. Очень.

Однажды, глядя на небо, он заметил падающую звезду, которая опускалась медленно-медленно на землю. И ему вдруг так захотелось, чтобы звезда приземлилась именно на этот ветхий мосток. Мишутке казалось, что она-то и смогла бы скрасить его одиночество. Может быть, это вовсе и не звезда, а — друг: узнал о нем, всеми забытом, и прилетел, чтобы потом вместе вернуться туда, где в звездных лабиринтах их поджидают разные забавные существа и масса приключений, да таких, о которых Мишутка никогда не слыхивал. А еще там, подумалось юному мечтателю, очень холодно, потому-то звезды на небе и дрожат всегда. Может, им тоже одиноко?.. Вот хотя бы той, самой большой. Ей, вид-

но, о-очень одиноко. Она ведь одна и такая огромная! Ну и, конечно же, очень важная, величавая, потому маленькие звездочки боятся разговаривать с нею.

«Нет, моя звезда совсем не большая, — решил Мишутка. — Да, я слышал, что когда звезды падают, нужно загадывать желание... Так вот: хочу, чтобы ты, Моя Звезда, приземлилась здесь и стала моим другом... Э-эй, куда же ты? Я здесь, видишь?!» — И он изо всех сил замахал руками, тут же забыв обо всем: о зеленых водорослях, о мостике. Наконец вскочил и плюхнулся в воду. Выбравшись на берег, весь в тине, побежал туда, где намеревалась упасть звезда. Бежал, не чуя под ногами ни сучьев, ни кочек. Оказавшись на огромной поляне, озаренной каким-то загадочным лунным сиянием, остановился. «Вот она, вот!» — Ему хотелось крикнуть во весь голос — пусть все знают, что звезда прилетела сюда, к нему, в приозерный лес. Но если бы он даже и подал голос, то вряд ли его кто услышал — все спали, и только сова безразлично наблюдала за происходящим да изредка, как бы внасмешку, потешалась: «Угу-угу!..»

Мишутка смотрел в небо. Звезда остановилась, будто выбирая, где ей удобнее приземлиться. Похоже, не торопилась — ей даже нравилось висеть над верхушками елей. Мишутка заволновался, крикнул-таки:

— Если ты не хочешь спускаться, то я тебя сейчас сам достану! — Он быстро вскарабкал-

ся по стволу ели на самую верхушку, протянул руку и уже чуть было не дотронулся до звезды, как та стала удаляться. — Подожди, ты куда?!. Ведь я тебя еще не поймал и с тобой не подружился... Стой, не улетай! Вернись и возьми меня с собой!

Звезда, непреклонно удаляясь в свое небесное жилище, забирала с собой все сияние луга. И где-то там, далеко, стала такой же маленькой, мерцающей точкой, как и все звезды на небе. Мишутка продолжал сидеть на дереве и все думал: «Вот и снова я один... И все вокруг стало еще более мрачным и тоскливым. Как будто звезда забрала с собой всю радость ночи».

Он просидел на дереве до рассвета. А вечером пришел опять на ту же самую лужайку. Взобравшись на ель, устроился поудобней и стал ждать ночной темноты, чтобы снова начать поиск в огромном звездном океане той самой — его! — звезды, вселившей надежду обрести друга.

А вот и она!.. Так же, как и в прошлый раз, звезда спускается с неба на землю, но уже не одна, а в окружении еще нескольких таких же ярко горящих точек. Поравнявшись с верхушкой ели, звезды вдруг подхватили Мишутку и понесли ввысь, в неизвестное.

— Я улетаю в небо! — в восторге кричал Мишутка; ему становилось даже страшно от того, что все там, внизу, видится таким далеким и таким маленьким, и, казалось, будто все оно вдруг растворится в темноте и исчезнет. На какое-то мгновение ему даже стало жалко расставаться

со своим лесом, озерцом, мостиком. Но яркие и шаловливые звезды несли его все выше и выше, забавляя озорным смехом. — Куда мы летим? — наконец спросил он.

— А куда бы ты хотел? — звезды прыснули звонким смехом.

«Туда.. Туда... Туда...» — он собрался было ответить, но растерялся и сказал:

— Не знаю.

— А хочешь, мы тебя познакомим со старым месяцем? Он давно живет на свете и все знает, а еще — он великий волшебник и может сделать все, что ты пожелаешь.

— Знакомьте! — не задумываясь, ответил Мишутка. — К тому же, я хочу подружиться с вами.

— Мы согласны, — ответили все его спутницы в один голос и снова зазвенели звонким смехом. — Мы о тебе все знаем, потому и прилетели за тобой. А о нас ты ничего не узнаешь — звездам не велено рассказывать о себе, потому как в каждой из нас живет тайна. И если эта тайна станет кому-либо известна, то мы все умрем вместе с нею и ты больше никогда нас не увидишь.

— Я вас понимаю... — Мишутка опечалился. — Нелегко жить с секретом, когда нельзя им ни с кем поделиться.

— Полетели быстрее!.. — заволновались звезды. — Нам всем надо торопиться.

И они начали удаляться от земли все быстрее и быстрее, пока не остановились у огромного облака.

— Это ты? — вдруг послышался чей-то громкий простуженный голос. — Я ждал тебя... Очень рад видеть. Ты ведь знаешь, что я — волшебник, могу исполнить любое твое желание, отправить тебя туда, куда ты пожелаешь, — молвил месяц, выплывая из-за облака.

— Да, я об этом уже знаю и хочу туда, где никто никогда не был, туда, где можно встретить настоящего друга, который бы мог со мной поделиться своими секретами, а я ему открыть свои. У меня их ведь так много.

— Тогда подойди ко мне поближе. Смотри, видишь облако, похожее на огромную гору?

— Да, вижу.

— Взберешься на самую высокую его вершину, и там пред тобой окажется мир, о котором ты мечтаешь. Но только ты туда пойдешь один.

— А как же я туда попаду, ведь я летать не умею и ходить по воздуху тоже?

— Я тебе помогу, — сказал месяц и взмахнул волшебной палочкой, как тут же все маленькие облака выстроились друг за дружкой, образовав узенькую тропинку. — Ну, теперь ступай. Поторопись, ибо к рассвету все это исчезнет. Прощай!

— Спасибо, добрый волшебник-месяц. И вам спасибо, милые звездочки. Прощайте!

Мишутка отправился покорять облако-гору. И, как оказалось, это было совсем не легко. Когда взобрался на самую верхушку, пред ним предстал знакомый лес, озерцо, мостик. Только когда он улетал — все было вокруг темным-темно, а

здесь так все ярко, так красочно. Сбежав на одном дыхании с облака на знакомую тропинку, он вдруг растерялся: показалось, что все в его лесу как будто переменялось — он стал каким-то далеким и не родным. И тропинка как будто не та, знакомая с детства, и пеньки какие-то иные, и даже кочки не те. Вот он, тот самый мостик. Но кто это там сидит, на его мостике? Кто же это?

— Ты кто такой? — спросил Мишутка. — И что ты делаешь на моем мостике?

— Разве это твой мостик?.. Здесь я всегда сижу и встречаю звезды. Ты сам кто такой?

— Я — тот, кто так же сидит на точно таком же мостике и так же, как и ты, встречает звезды. Только, наверное, я ошибся, это не мой мостик... Мой где-то там, внизу, под облаками, очень далеко. А тут — все это просто так похоже на те края, откуда я сюда прилетел...

— Меня зовут Актушка, садись ко мне на мостик и давай дружить.

— Давай. А у тебя много друзей?.. Которая у тебя самая любимая звезда?

— Друзей у меня много, только они теперь все спят... Ведь уже поздно, а я сижу и жду, когда на небе появятся первые звезды, и как только они появятся, я тебе покажу свою самую любимую. А утром познакомлю тебя со всеми своими друзьями. Идет?

— Идет, — ответил Мишутка.

И они уже вдвоем сидели на мостике и ждали первых звезд.

«Но откуда они могут появиться, ведь я совсем недавно видел их там, за облаками, — недоумевал Мишутка. — Здесь-то как они могут оказаться?»

И вот на небе появилась первая звезда, и была она совсем не похожая на тех, которых он так хорошо знал. Она была какая-то необычная, похожая на маленького ежика; и не белая, а зеленая. Вот появились и вторая, и третья, и много-много их стало на небе. И все они были разные, одна, не похожая на другую, — будто шарики воздушные, и длинные, словно воздушные змеи. Пестрые, блестящие, круглые: одни похожи на краснобокие яблоки, другие — на полосатые арбузы. Мишутка был просто ошеломлен, он ни разу в жизни не видел таких чудес.

— А где же месяц? — побеспокоил он своего нового друга Актушку.

— Сейчас появится, подожди... Вон, видишь, выплывает из-за фиолетового облака — совсем оранжевый.

И, действительно, на небе появлялся оранжевый, похожий на переспелый банан, месяц.

— Да-а... Такого месяца я, признаться, ни разу в жизни не видел, и когда вернусь домой, на землю, и расскажу там всем, что я видел, то мне, пожалуй, никто не поверит.

— Неужели на земле все совсем по-другому? — удивился Актушка.

— Совсем, совсем!.. — Горя от нетерпения высказаться, Мишутка начал захлеб рассказывать о том, какие у них там звезды, небо и

как он тут очутился. И пока он все это рассказывал, ему вдруг так стало грустно от того, что находится здесь, где даже звезды и те не настоящие, и все-все другое совсем не настоящее, и даже сам Актушка с его странным именем, и его друзья.

«Это просто отражение того мира, откуда я сюда прилетел. И мне нужно поскорей возвращаться домой, — решил Мишутка. — Я все понял!.. Хорошо жить там, где твой дом. И друзья найдутся — их, оказывается, вокруг очень много, просто не надо быть белой вороной: никто тебя не замечает потому, что сам никого не видишь. Оттого-то порой и хочется чего-то такого, чего просто-напросто не бывает». И только он так подумал, как все вокруг затряслось, завертелось, похоже было на то, что сильный ветер ворвался в это безветренное пространство и начал все сметать, будто это было все пылью. Мишутка, не теряя времени, побежал к облаку-горе, с которого он спустился, и когда снова взобрался на вершину, то перед ним предстала огромная лестница, составленная из облаков и ведущая к его дому. И он не просто стал спускаться, а побежал вприпрыжку, перескакивая через облака-ступеньки, оказываясь все ниже и ниже...

СОН

Звучит музыка. Она кругом. Куда ни глянь — льется сплошным потоком, поглощая в себя все земное, и, вознося чистое и прекрасное, делает все и вся красивым и грациозным.

Одинокий шмель летает над серым полем. Серым потому, что редкие лучики света спрятались, и все красивые цветы поникли. А шмель летает и ждет просветления.

Грянул дождь. Глядя из окна на поле сквозь мокрое, покрытое каплями воды стекло, становится как-то печально и уныло.

Но что это? Свежий ветерок! Он явился из ниоткуда, поднялся ввысь, расправил свои силы и принялся за дело с такой охотой, что под его напором серые тучи быстро расступились, открыв доступ солнечному свету. И на мокрое после дождя ромашково-васильковое поле упали первые блики света. Стало ясно и свежо.

Цветы подняли свои поникшие головы и с упоением поглощали щедроты природы. Вскоре дождь прекратился.

На залитом солнцем поле, в бесконечном море ромашек и васильков, одуванчиков и клевера, вырастают из ниоткуда двое влюбленных. Они танцуют под музыку, льющуюся отовсюду, какой-то необыкновенный, божественный танец, в котором воплотилось все самое чело-

вечное и возвышенное — любовь, верность, преданность. Они парят грациозно и величественно в ритм мелодии, взмывая ввысь и опускаясь в разноцветно-ароматное, бесконечное море пестрых цветов.

Все живое проснулось и в унисон им закружило: мотыльки, пчелы, птицы...

Вдруг музыка грянула сильнее — на поле появился оркестр музыкантов, и дирижер, как очумелый, разрывая своей волшебной палочкой необъятное пространство, принуждал все вокруг взлетать и неистово кружиться. Как будто невидимая, невиданная сила подхватывала всех и кружила. О, как это гениально! Кружатся все: музыканты, двое влюбленных, листья, цветы — все!.. Однако музыка начинает заметно слабеть — сгущаются тучи. Становится снова мрачно и тоскливо, накрапывает дождик.

МЕСТО ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ

Вечер. Шли двое. Он и она. С неба сквозь густые облака на них смотрел и посылал им вслед свой мерно голубой луч месяц, освещая их самих и ту твердь, по которой они ступали. Впереди находилось небольшое озерцо, окаймленное со всех сторон густой стеной леса.

О, если бы можно было птицей взлететь ввысь, чтобы увидеть, как великолепно творение природы — уединенное от людской суеты маленькое озерцо, подобное бриллианту на черном бархате леса.

Они шли непринужденно. Казалось, что все вокруг затаилось и ловит каждый звук, издаваемый их движением. Лица их, отражая отблески лунного света, выражали полнейшее спокойствие, и ничто не выдавало в них тех обычных людей, которых мы привыкли видеть в этом мире.

...О, как бы хотелось вырваться из нашей суматошно-бессмысленной и жестокой жизни и улететь на такой вот иллюзорный кусочек света, где все — в сладком сне, где жизнь остановилась на отметке счастья.

И такой рай действительно существует. Но не ищите его на карте — не найдете.

Двое продолжали свой путь, обивая холодную росу. Вскоре они спустились к берегу озе-

ра. Берег представлял собой обрыв, на котором некогда росла огромная ель. Невзлюбила, видно, ее водная гладь и, слизав кусок берега, повалила древо, втянув его верхушку в свою пучину. Корни же этого колосса не хотели расставаться с сушей — и получился своеобразный мостик. Молодые люди, взобравшись на толстый ствол, расположились на нем, свесив ноги над водной гладью. Обнявшись, они продолжали так сидеть очень долго. Так долго, как это умеют только влюбленные. Их существование, казалось, было вне времени. Любуясь сиянием ночи лунной, они позабыли все обиды, разочарования. Их желанием было только одно — чтобы время навсегда остановилось на этом необитаемом острове, а ночь никуда не уходила.

В мире, где мы живем со своими телевизорами, компьютерами, интернетом, телефоном и другими излишествами цивилизации, порой так хочется уединиться, спрятаться, остановить время, чтобы самая главная, самая ранимая частица человеческого существа — душа смогла отдохнуть и набраться сил. Могла расправить крылья и взлететь над всем тем, что нас окружает. Из-за хронического отсутствия свободного времени мы переносим это мгновение на более поздний срок. Считаем, что уйдя на пенсию, при уйме свободного времени, уедем в деревню, на дачу, уединимся и создадим себе райское место. Но это мечты. Те самые мечты, терзавшие наше воображение годами. Они как раз имеют свой-

ство просто-напросто не сбываться. Ах, а какие они только ни были эти мечты — розовые и радужные, реальные и нереальные...

Человек, только появившийся на свет, уже желает обладать чем-либо. С годами, когда физические силы не те, что были раньше, количество желаний уменьшается. Но они, как правило, более реалистичны, имеют под собой основу жизненного опыта. И вот именно жизненный опыт способен на корню зарубить любую радужную мечту, всплывшую в вашем сознании.

Ух, если бы можно было управлять обстоятельствами, меняя течение жизни так, как нам заблагорассудится: ведя свой корабль сквозь угрожающую ему бурю (подводные рифы, круговороты) к чему-то светлому, еле-еле виднеющемуся на горизонте, и в случае ошибочно выбранного пути в любой момент — раз! — и повернул назад. И вся недолга. Опасность за бортом!

Реальность — штука неумолимая. Она, не взирая ни на что, сама ведет корабль жизни, порой жестоко и безжалостно бросая его на подводные рифы и камни, идет напрямик в далекую неизвестность, отсчитывая года, будто мили.

Начало светать... Постепенно растворились в воде все звезды, спрятался месяц. Вместе с исчезновением ночи — исчезли и те двое, которые были в нее так влюблены.

АВТОПОРТРЕТ

Светит солнце. Моросит грибной июльский дождь. Хлюпая по теплым лужам, перебирая чвакающую грязь босыми ногами, я иду по дороге.

Иду просто так.

Иду потому, что мне нравится ощущать влажное дыхание земли. Мне нравится разбрызгивать мутную глинистую воду, на мгновения погружаясь в совсем не взрослый мир. Мир славного, давно прошедшего и никогда мной не забываемого детства. Детства, оставшегося в моем сердце как нечто светлое и самое доброе. В этом добром и светлом осталась память о тех, кто со мною был рядом. Кто по-прежнему остается со мною и теперь.

Особенно дорога мне память о матери...

Потому я так хотел бы снова вернуться в свое детство.

В то самое, где была моя мама.

Содержание

СТИХИ

<i>Белое</i>	6
* * * <i>Идете вы куда-то в даль</i>	7
<i>Бродяга</i>	8
* * * <i>Ночь накрывает вуалью</i>	11
<i>Царь высоты</i>	12
<i>Итог</i>	13
* * * <i>Детство разное бывает</i>	14
* * * <i>В небе-океане</i>	15
<i>Патетическое</i>	16
* * * <i>Облетела листва</i>	17
* * * <i>Я хотел бы</i>	18
<i>Мои два Я</i>	19
* * * <i>Идем по дороге</i>	20
* * * <i>Он глядел на закат</i>	22
* * * <i>В сумраке ночь исчезает</i>	23

ПОВЕСТЬ

<i>Миг высоты</i>	25
-------------------------	----

РАССКАЗЫ. ЗАРИСОВКИ

<i>Маленький остров</i>	67
<i>Самовар</i>	73
<i>Мишутка и звезды (Сказка)</i>	79
<i>Сон</i>	87
<i>Место для влюбленных</i>	89
<i>Автопортрет</i>	92

Литературно-художественное издание

Лещинский Леонид Вячеславович
МИГ ВЫСОТЫ
Стихи. Проза

Редактор *А. Масаренко*
Корректор *Ж. Ясютка*
Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*